

6. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1664 года. СПб., 1869. С. 181
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 21.
8. УУС — Устав уголовного судопроизводства 1864 года.
9. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 72.
10. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 31-32. Ст. 326.
12. Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
13. Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
15. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Под ред. К. Ф. Гуценко. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЗЕРКАЛО, 1998. С. 108.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М.: Издательство «СПАРК», 1995. С. 81.
17. Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1964. С. 6.
18. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 1. С. 10-12.
19. Ч. 1 ст. 42 УПК РФ 2001 года.

Елена Владимировна НИКУЛЬЧЕНКОВА —
 декан юридического факультета,
 доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
 Омского экономического института,
 кандидат юридических наук

УДК 347.641

СПОРНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены правовые аспекты личной неприкосновенности несовершеннолетних, дискуссионность понятия «несовершеннолетний» в контексте определения его нижней временной границы. Автором выделены принципиально новые подходы в рассмотрении ряда прав несовершеннолетних: права на смерть, на половую неприкосновенность; на информационную и юридическую безопасность.

The study is based on the legal aspects of personal inviolability of minor. It has been attempted to introduce the conception «minor» in the context of definition its low time limit. To summarize author suggests new approaches examining minor's rights: the right to death, the right to sexual inviolability, the right to information and legal safety.

Понятие «несовершеннолетний» в российском праве имеет легальное толкование. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетний — это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. По смыслу ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» этот термин идентичен понятию «ребенок»: «ребенок — это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)» [1].

Вместе с тем следует обратить внимание на дискуссионность рассматриваемого понятия, которая заключается в вопросе о его нижней временной границе.

Верхняя временная граница в данном случае установлена достижением 18-летнего возраста. Не вполне ясно, что считать нижней временной границей: момент рождения ребенка или начало того периода его внутриутробного развития, которое исключает аборт? Заметим, что с христианских позиций моментом начала жизни является зачатие ребенка. Христианская традиция относит зачатие к одному из таинств (не в церковном смысле), полагая, что появление плода в лоне матери благословляется Богом. Характерно, что зачатие Богородицы и некоторых святых (Иоанна Крестителя) празднуется в Русской Православной Церкви как глубоко чтимое событие. «... зародыш во утробе есть живое существо, о котором печется Господь», — писал апологет II века Афинагор. «Тот, кто будет человеком, уже человек», — утверждал Тертуллиан на рубеже II и III веков [2].

Такой подход далеко не нов. Положение о признании некоторых субъективных прав за зачатым, но еще не родившимся ребенком было сформулировано свыше двух с половиной тысячелетий тому назад — в Законах XII Таблиц, в которых за такими детьми (называемыми насцитурасами, т. е. еще не рожденными) признавалось право наследования в имуществе отца, умершего во время беременности матери. Оно полностью сохранилось в последующие века и получило свое развитие и закрепление в Дигестах Юстиниана: «Кто находится в чреве, охраняется, как если бы он находился среди людей, поскольку дело идет о выгоде самого плода» [3].

Вместе с тем в настоящее время есть страны, в конституциях которых закреплена норма об охране жизни еще до рождения ребенка, например, в Конституции Словакии: «Жизнь достойна охраны уже до рождения» (абз. 1. ст. 15) [4].

Поднятый вопрос — далеко не праздный и в современных условиях, учитывая явления искусственного зачатия, суррогатного материнства, клонирования, проведения сомнительных с этической и правовой точки зрения экспериментов с человеческими эмбрионами. Эти явления имеют уголовно-правовой и криминологический аспекты.

В российском уголовном праве моментом начала жизни признается начало физиологических родов (по мнению других — начало самостоятельного внеутробного существования ребенка, то есть отделение от матки матери и начало дыхания). Это — общепринятая точка зрения. Вместе с тем в современной российской уголовно-правовой литературе высказывается и другое мнение. Например, С. Ф. Милюков полагает, что право на жизнь имеют и дети, которые вынашиваются матерью [5]. Такое же мнение высказывает Е. М. Сейбол [6].

С. С. Шевчук считает, что содержание ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (признающее правосубъектность с момента рождения гражданина) нуждается в дальнейшем совершенствовании, а именно: в необходимости закрепления в нем такого социально-юридического свойства, как относительная правоспособность за неродившимся ребенком, что диктуется прежде всего необходимостью его защиты, в частности, при принятии женщиной решения об искусственном прерывании беременности, при применении к абортированному жизнеспособному ребенку эвтанази и использовании его органов или тканей в качестве трансплантатов. В соответствии же с действующим законодательством плод, находящийся в утробе матери, независимо от срока его развития рассматривается как физиологическая часть организма, которым она вправе распоряжаться по своему усмотрению. Иными словами, полагает С. С. Шевчук, назрела необходимость решить вопрос: имеем ли мы дело с уже живым человеческим существом в лице неродившегося ребенка, имеющим право на защиту, или только с системой клеток, тканей, органов, составляющих часть материнского организма, защита которых всецело зависит от воли женщины [7].

В этой связи показательны снимки, сделанные ультразвуковым фотоаппаратом в Лондонском центре репродукции и современных технологий, которые позволили впервые получить наглядные данные о развитии плода на разных стадиях беременности. Эти снимки произвели сенсацию, т. к. они неопровержимо доказали, что 12-недельный зародыш — уже практически сформировавшийся человек, а с 26-й недели, т. е. с 6-го месяца беременности, ребенок в утробе матери демонстрирует полный спектр человеческих реакций, выражая мимикой самые разнообразные чувства — радость, боль, испуг, ужас [8]. Это открытие свидетельствует о негуманности (и ненаучности) современного взгляда на вопрос о том, с какого момента эмбрион становится человеком.

Конвенция о правах ребенка (ст. 19) настаивает на принятии всех необходимых законодательных, административных, социальных и просветительских мер с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке. В этой связи представляется необходимым остановиться на рассмотрении отдельных аспектов личной неприкосновенности несовершеннолетних в контексте современных дискуссий по проблемам соблюдения прав человека.

Право на смерть. Первейшее, естественное и неотъемлемое право человека — право на жизнь. Все остальные права и свободы производны от него. Если человек лишается жизни, то все другие права теряют смысл, так как носителя этих прав уже нет. Если реализация права на жизнь не всегда зависит от волеизъявления ребенка, то иначе дело обстоит с «правом на смерть». Ежегодно тысячи детей уходят из жизни, совершая акты суицида. По данным официальной статистики, от самоубийства ежегодно погибает около 2800 детей и подростков в возрасте от 5 до 19 лет и эти страшные цифры не учитывают случаев попыток к самоубийству. Количество детей и подростков, покончивших с собой, составляет 12,7% от общего числа умерших от неестественных причин. За последние пять лет самоубийством покончили жизнь 14157 несовершеннолетних [9]. По количеству самоубийств несовершеннолетних наша страна занимает первое место в мире. На втором месте США — 1800 детей-самоубийц в год [10]. В целом смертность от самоубийств в России в семь раз выше, чем в европейских государствах [11].

Легализация «права на смерть», вызывающая ассоциации с языческими временами человеческих жертвоприношений, опасна прежде всего по отношению к несовершеннолетним. Реальность такой опасности подтверждает анализ действующего в Голландии Закона от 2 апреля 2002 г. «О прекращении жизни по желанию или помощь в самоубийстве», которым была узаконена возможность осуществления ассистированного суицида и эвтаназии. В соответствии с положениями указанного Закона каждый достигший 16 лет имеет право самостоятельно определить порядок и способ завершения своей жизни. Для физических лиц в возрасте от 12 до 16 лет для осуществления этого акта необходимо согласие родителей или иных законных представителей [12]. Как видим, названный нормативно-правовой акт легализует «право на смерть» несовершеннолетних, которые (даже по своим возрастным качествам) просто не в состоянии осознать смысл такого «права».

Неоднозначные мнения по поводу разрешения применения эвтаназии в России высказываются юристами. Например, В. В. Румынина считает необходимым принять специальный закон в России, в котором содержалась бы регламентация процесса применения эвтаназии [13]. А предложенный в 1996 г. законопроект

«Об эвтаназии и условиях ее применения» Н. А. Ардашевой содержит конкретные нормы, касающиеся применения эвтаназии к несовершеннолетним. Например, о необходимости применения эвтаназии к новорожденным детям, родившимся с физическими и психическими уродствами, в случае отказа взять такого ребенка на воспитание из родильного дома [14].

Право на половую неприкосновенность. Современный период характеризуется большой распространенностью рискованных форм сексуального поведения, особенно среди молодежи. Подтверждением этого является рост среди подростков и молодежи заболеваний, передаваемых половым путем. Заболеваемость сифилисом у подростков 15-17 лет в 1995 г. увеличилась в 31 раз по сравнению с 1991 годом. Специальными исследованиями установлено, что к 17-18 годам более 30% городских и почти половина сельских подростков имели опыт половых сношений. Анонимное анкетирование мальчиков — подростков показало, что сексуальный опыт имеют 48-50% опрошенных. Наибольшее число подростков начало половую жизнь в возрасте 14-15 лет (46-48 %). Большинство опрошенных подростков не имели постоянного сексуального партнера [15]. В то же время, как следует из экспертных заключений, полученных от 17 ведущих специалистов в области охраны детства: детской и подростковой психиатрии, физиологии, психологии, медицинской сексологии, педиатрии, педагогики и биоэтики из 10 научно-исследовательских учреждений, входящих в системы РАН, РАО и РАМН, полная половая зрелость у современных российских подростков формируется в среднем не ранее чем к 18-20 годам. Соответственно именно к этому возрасту у них формируются готовность к осознанно-волевому вступлению в половые отношения и способность понимать в полной мере характер и значение последних и их последствия для физического и психического здоровья. Специалисты единодушны в признании того, что преждевременное начало подростком половой жизни до достижения им полной половой, физической и психической зрелости является мощным стрессовым фактором для формирующегося организма. Оно приводит к негативным последствиям для здоровья подростков, становится причиной нарушения психосексуального развития, в том числе формирования впоследствии аномального сексуального поведения, склонности к насилию и садизму, педофильному поведению, гомосексуализму и т. д. Этот вред, согласно представленным научным заключениям, носит комплексный и необратимый характер. К психологическим и медицинским последствиям как гетеро-, так и гомосексуального полового сношения взрослого с ребенком относятся также беременность, ВИЧ-инфекция, венерические заболевания [16].

Все это требует рассмотрения проблемы о праве несовершеннолетних на половую неприкосновенность. Эта проблема имеет ряд аспектов.

Первый — касается возрастных границ, устанавливаемых законодателем при посягательствах на половую свободу. Половая свобода — это право взрослого человека, т. е. совершеннолетнего или, во всяком случае, достигшего 16-летнего возраста, самостоятельно решать вопросы, связанные с выбором сексуального партнера и формы удовлетворения своих интимных потребностей. Для указанной категории лиц половая неприкосновенность означает основанный на законе запрет вступать в сексуальную связь с ними помимо или вопреки их воле и желанию. Для лиц в возрасте от 14 до 16 лет и малолетних (лиц, не достигших 14 лет) половая неприкосновенность — это полный законодательный запрет полового сношения или какого-либо сексуального контакта с ними, несмотря на согласие с их стороны [17].

Объективно право несовершеннолетних на половую неприкосновенность может произвольно корректироваться законодателем, о чем свидетельствует изменение редакции ст. 134 Уголовного кодекса России в 1998 и 2003 годах.

Второй аспект имеет отношение к выбору (произвольному или навязанному) типа сексуального поведения. В связи с защитой гражданских и политических прав представителей сексуальных меньшинств, которая активно осуществляется в ряде государств Европы, и все более реальной возможностью ее имплантации в отечественную правовую материю, возникает вопрос о защите права на половую неприкосновенность детей, усыновленных «семейной» парой гомосексуалистов. К сожалению, провозглашая «всеобщее осуществление прав человека» независимо от их сексуальной ориентации, глашатаи нового мышления упускают из внимания права детей на половую неприкосновенность. С нашей точки зрения, эти права будут соблюдены только при условии обеспечения половой свободы в духе традиционализма.

Третий аспект рассматриваемой проблемы имеет отношение к сексуальному просвещению и воспитанию. Не говоря уже о появлении оригинальных методик такого воспитания, когда детей приглашают принести в школу для проведения «практических занятий» бананы и презервативы (как это имело место в некоторых школах Омска), в ряде СМИ ведется разнузданная пропаганда секса. Детям предлагаются компьютерные игры, связанные с «раздеванием» персонажей, возбуждением нездорового любопытства к интимным вопросам человеческой жизни, а «опытные сексологи» дают рекомендации родителям приучать детей к ранней мастурбации.

Между тем ст. 34 Конвенции о правах ребенка обязывает каждое государство-участника «защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения», принимать в этих целях все необходимые меры для предотвращения, в частности, «склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности», «использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах». Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г. (Эр-Риядские руководящие принципы) ориентируют государства на поощрение средств массовой информации в сведениях «к минимуму показа материалов, связанных с порнографией, наркотиками и насилием», требуют «избегать показа детей, женщин и личных отношений в унижающей достоинство форме» (принцип 43) [18].

Право на информационную безопасность. Ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» устанавливает:

1. Органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроизведений, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

В стране в настоящее время отсутствуют концептуально-методологические, методические, правовые, организационные и материально-технические основы разрешения проблемы предупреждения вредного, социально не приемлемого информационного воздействия на несовершеннолетних. Предпосылки такого воздействия кроются в несформированности государственной концепции (стратегии) информационной политики Российской Федерации, в игнорировании необходимости предписанных международным правом особых подходов к обеспечению [19].

Так, например, закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. запретил использование в теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей и(или) оказывающих влияние на их здоровье (ч. 2, ст. 4). Такое же положение содержится в Федеральном законе «О рекламе» от 14 июня 1995 г. в ст. 10: «Не допускается использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции и в иной продукции распространение иными способами скрытой рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителем воздействие на его восприятие».

Однако практически никто не контролирует выполнение этих запретов и не привлекает правонарушителей к ответственности. Телевизионная реклама в настоящее время чрезвычайно активно использует методы скрытой рекламы. Вместе с тем общеизвестно, что воздействие на подсознание опасно для психического здоровья людей, в особенности — детей.

Особую актуальность в настоящее время приобретает обеспечение информационной безопасности в сфере духовной жизни. «Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни имеет целью защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с развитием, формированием и поведением личности, свободой массового информирования, использования культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, с сохранением культурного достояния всех народов России, реализацией конституционных ограничений прав и свобод человека и гражданина в интересах сохранения и укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, здоровья граждан, культурного и научного потенциала Российской Федерации, обеспечения обороноспособности и безопасности государства», — утверждает Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

Проникновение в школу лжеучений, увлечение многих педагогов и родителей оккультными учениями создают угрозу духовной безопасности детей, их физическому и психическому здоровью [20].

Право на юридическую безопасность. Юридическую безопасность определяют как состояние юридической защищенности жизненно важных интересов личности (общества и государства) от внешних и внутренних угроз или как систему установленных законами правовых гарантий защищенности личности и общества, обеспечения их нормальной жизнедеятельности, прав и свободы [21].

В современной юридической литературе все больше внимания уделяется изучению вопросов, связанных с защитой прав детей. Этот интерес обусловлен, во-первых, изменением подхода законодателя к правовому регулированию семейных отношений с участием детей, что свидетельствует о признании последних полноправными субъектами возникающих в семье правоотношений. Во-вторых, такой интерес вызван увеличением числа факторов, угрожающих нормальному развитию детей. В-третьих, обращает на себя внимание увеличение тех групп несовершеннолетних, которые нуждаются в особом режиме юридической безопасности.

Такие группы называет Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных правах ребенка в Российской Федерации». Это дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, а именно: дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды; дети, имеющие недостатки в психическом и(или) физическом развитии; дети — жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; дети из

семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, оказавшиеся в экстремальных условиях; дети — жертвы насилия; дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; дети, находящиеся в специальных учебно-воспитательных учреждениях; дети, проживающие в малоимущих семьях; дети с отклонениями в поведении; дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи. Это дети — свидетели и дети — жертвы преступлений [22]. Это — больные дети, требующие специального ухода. Наконец, это дети, испытывающие на себе целенаправленное криминальное воздействие со стороны родственников и иных лиц. Все они нуждаются в обеспечении юридической безопасности, в том числе в уголовно-правовом аспекте.

Таким образом, мы можем констатировать, что на сегодняшний день законодателем не использованы все возможные правовые средства и способы для эффективной и максимальной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Оценивая реальное положение детей в России, официальные лица признают, что, к сожалению, в большинстве своем дети стали заложниками плохо подготовленных экономических и социальных реформ, разрушительных политических и социальных преобразований [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1999. 5 августа.
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000. С. 120.
3. Памятники римского права: Законы XII Таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. С. 18, 70.
4. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности России. М., 1997. С. 194-195.
5. Милюков С. Ф. Российский уголовный закон: опыт критического анализа. СПб.: Знание, 2000. С. 159.
6. Сейбол Е. М. Аборт: моральный, медицинский и уголовно-правовой аспекты // Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Омск: Омский государственный университет, 2003. С. 160-169.
7. Шевчук С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Юрист. 2002. № 9. С. 18.
8. Лаговский В. Дети в утробе зевают, улыбаются и плачут // Комсомольская правда. 2004. 2 июля.
9. Письмо Минобразования от 26 января 2000 г. № 22-06-86 «О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков» // Вестник образования. 2000. № 4.
10. Право на смертную казнь / Под ред. А. В. Малько. М., 2004. С. 128.
11. Что мешает нам жить долго? // Комсомольская правда. 2005. 2 марта.
12. Стефанчук Р. А. Возвращаясь к вопросу о легализации эвтаназии в странах СНГ: pro et contra // Право и политика. 2005. № 7. С. 24.
13. Румынина В. В. Нужен ли России закон об эвтаназии? // Основы государства и права. 1999. № 2. С. 49.
14. Там же. С. 52-53.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1997 г. № 1207 «О федеральных целевых программах по улучшению положения детей в Российской Федерации на 1998-2000 годы» // Российская газета. 1997. 23 октября.
16. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 2940 III-ГД «О проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2802.

17. Коняхин В. Насильственные действия сексуального характера // Законность. 2005. № 9. С. 18.

18. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г. (Эр-Риядские руководящие принципы) / Приняты 14. 12. 1990 Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС КонсультантПлюс: Международное право.

19. Пристанская О. В. Правовая защита несовершеннолетних в сфере массового сексуального просвещения // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 56.

20. Куликов И. Метастазы оккультизма в системе здравоохранения: Аналитическое исследование. М.: Паломникъ, 1999; Кто «играет» на компьютере академика Бронникова. М.: Пересвет, 2003.

21. Тер-Акопов А. А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации (Основы концепции) // Государство и право. 2001. № 9. С. 13.

22. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей — жертв и свидетелей преступлений / Приняты 22. 07. 2005 Резолюцией 2005/20 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН // СПС КонсультантПлюс: Международное право.

23. М-лы парламентских слушаний «Национальная стратегия охраны здоровья детей в России и ее правовое обеспечение» (19 февраля 2001 г.), IX съезда педиатров России «Детское здравоохранение России: стратегия развития» (19-22 февраля 2001 г., Москва).

*Наталья Валерьевна ГОРИНА —
ассистент кафедры гражданского права и процесса*

УДК 347.254

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ

АННОТАЦИЯ. Автором рассматриваются особенности участия несовершеннолетних и одиноких престарелых граждан в приватизации жилья и предлагаются возможные пути их решения.

The author touches upon the peculiarities of participation children under age and lonely old people in the process of property privately-owned. There are some possible ways out from these problems.

Особенности правового положения несовершеннолетних и одиноких престарелых граждан, как субъектов приватизации жилых помещений, обусловлены их нуждаемостью в повышенной социальной защите. На первоначальном этапе приватизации жилищного фонда допускались серьезные нарушения жилищных прав несовершеннолетних при совершении сделок приватизации жилых помещений от их имени родителями, усыновителями, опекунами, попечителями, которые не пресекались государственными органами.

Субъектами обязательства приватизации жилого помещения всегда являются реальные физические лица, имеющие, при наличии определенных Законом о приватизации жилищного фонда условий в виде права на приватизацию жилого помещения, занимаемого по договору жилищного найма в государственном или муниципальном жилищном фонде. Отсюда анализ субъектов обязательства приватизации жилого помещения объективно сводится к анализу статуса нанимателя и членов его семьи по договору социального найма.

Наниматель — физическое лицо, с которым заключен договор жилищного найма и на чье имя выдан ордер на право занятия жилого помещения. Все